

А. А. ТИШКОВИнститут географии РАН,
119017, Москва, Старомонетный пер., 29, Россия, tishkov@biodat.ru**РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СЕТИ ЗАПОВЕДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

Рассмотрены вопросы методологии территориальной охраны природы как объекта географических исследований и анализа места особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в территориальной организации страны. Показано, как становление, пространственный охват и ритмика глобальных сырьевых рынков (пушнины, леса, зерна, экосистемных услуг и др.) могли повлиять на пространственное развитие системы ООПТ в России, возникновение асимметрии в их размещении и периодичность создания. Описаны гуманитарная и сырьевая составляющие территориальной охраны природы, пространственные векторы и смена мотиваций на разных этапах (с начала XX в. до наших дней) становления географической сети ООПТ России. Проведен анализ результатов реализации документов государственного стратегического планирования в территориальной охране природы. Сделан вывод о высокой степени выполнения первых планов развития географической сети ООПТ (1917 и 1957 гг.) и сравнительно низкой результативности программ создания ООПТ последних десятилетий.

Ключевые слова: методология территориальной охраны природы, особо охраняемые природные территории, заповедник, национальный парк, заказник.

A. A. TISHKOVInstitute of Geography, Russian Academy of Sciences,
Staromonetnyi per., 29, Moscow, 119017, Russia, tishkov@biodat.ru**DEVELOPMENT OF THE GEOGRAPHICAL NETWORK OF PRESERVATION TERRITORIES**

This paper is concerned with some issues related to the methodology of territorial nature conservation as the subject for geographical study and analysis of specially protected natural areas (SPNA) in the country's territorial organization. It is shown how the evolution, spatial coverage and the rhythm of global raw-materials markets (furs, timber, grains, ecosystem services, etc.) could influence the spatial development of the SPNA system in Russia as well as the emergence of the asymmetry in their location, and the periodicity of their establishment. An outline is given to the humanitarian and raw-materials components of territorial nature conservation, the spatial vectors and a change of motivations at different stages (since the early 20th century till the present) of the formation of the geographical network of SPNA in Russia. An analysis is made of the results from implementing the documents of national strategic planning in territorial nature conservation. The conclusion is drawn about a high degree of fulfillment of the first plans envisaging the deployment of the geographical network of SPNA (1917 and 1957) and a relatively low effectiveness of the programs of the establishment of SPNA in the last several decades.

Keywords: methodology of nature conservation, nature protected areas, zapovednik, national park, zakaznik.

**ОСОБО ОХРАНЯЕМАЯ ПРИРОДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ
КАК КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ**

Территория — основное и наиболее часто используемое в географии понятие. «Особо охраняемая природная территория» (ООПТ) — ключевой термин природопользования и охраны природы. Внутри географии представление о территории в нашей стране складывалось параллельно в экономическом и физическом «крыльях»: с одной стороны, в работах Л. С. Берга и А. А. Григорьева по ландшафтоведению (физико-географическая территория), а с другой — в исследованиях Н. Н. Баранского и Н. Н. Колосовского с их концепцией территориальных социально-экономических комплексов (экономическая территория) [1]. И если в отношении ландшафтоведческой составляющей прослеживался единый корень школы А. Геттнера, то во втором случае в связи с гонениями в 1930-х гг. на отраслево-статистическую школу В. Э. Дена природные территории стали выпадать из географического анализа и синтеза и тем более из государственного планирования и территориальной организации хозяйства и общества как территории вне отрасли хозяйства.

Школа В. Э. Дена исходно оперировала количественными статистическими методами анализа размещения и функционирования экономических объектов, а задачей изучения территории считала определение оптимальности ее условий для развития тех или иных отраслей, в том числе и в производственной сфере. И здесь заповедники включались в планы пространственного развития, как это демонстрировалось в 1920-х гг., когда проекты расширения заповедной сети и в ресурсном, и в гуманитарном отношении вполне сочетались с планами Государственной комиссии по электрификации России, восстановления промышленности, освоения новых территорий [1].

Ближе всего к концепции «единой географической территории», опирающейся на классическую триаду географии природа — хозяйство — население, оказались эколого-географические (геоэкологические) подходы [2], а геоэкология, хотя и формирует основы рационального природопользования и охраны природы, не является их синонимом [2, 3]. Ее становление в России шло по мере развития экологических направлений в географии. Уже на первых этапах она включила в свой методический арсенал анализ территориальной охраны природы.

Но если территориальная организация хозяйства, общества, населения в нашей стране начала активно изучаться практически одновременно с развитием подходов к ее исследованиям в Европе и в США, то о территориальной охране природы как элементе пространственного развития страны и ее территориальной организации заговорили сравнительно недавно. Во-первых, это произошло в момент, когда ООПТ стали учитываться в схемах территориального планирования и территориальных комплексных схемах охраны природы (с конца 1960-х—начала 1980-х гг.). Во-вторых, практики охраны природы и правоведа вынужденно в 1970–1980-х гг. заговорили о «формах охраны природы» как составляющих элементах природопользования, требующих нормативного и правового обеспечения, — «покровительственной» и «территориальной» охране растений, животных, ландшафтов. В-третьих, с появлением многообразия категорий ООПТ и акваторий называть методологию и практические действия в этой области «заповедным делом» [4], подразумевая в данном случае не только заповедники, было неверным. В-четвертых, собственно термин «территориальная охрана природы» стал активно использоваться после реализации в России Проекта ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в Российской Федерации» и публикации первого национального доклада о сохранении биоразнообразия [5]. В словаре Н. Ф. Реймерса [6] это понятие не определено, а его упоминания в рассматриваемом контексте стали появляться в публикациях 1990–2000-х гг. [7–11].

Итогом территориального развития страны, как можно заключить из работ экономикогеографов [12–17], становится возникновение «дихотомии» состояний и категорий отдельных территорий: вовлеченные в хозяйственное освоение и не вовлеченные в него (природные), урбанизированные — неурбанизированные, старого освоения — нового освоения, обратимо измененные — необратимо измененные и пр. Особо охраняемая природная территория как категория территориальной организации оказывается «без пары».

Важным моментом в интеграции заповедников и других охраняемых природных территорий в территориальную организацию хозяйства страны, которая и может стать оправданием возникновения в СССР и России самой системы территориальной охраны природы с ее ключевыми понятиями (природно-заповедный фонд, федеральные и региональные ООПТ и т. д.), как отмечал еще В. Б. Степаницкий [18], стало включение планов организации ООПТ в систему государственного территориального планирования РСФСР с 1979 г.

Механизм территориального развития России, в том числе территориальной охраны природы, несет в себе следы ритмики глобальных сырьевых рынков. «Взлеты» и «падения» участия страны в глобальных сырьевых рынках (пушном, зерновом, лесном, нефтяном, газовом, углеродном — экосистемных услуг) сказывались на последующем пространственном развитии хозяйства [15], влияли на природоохранную конъюнктуру, в том числе на приоритеты в развитии географической сети ООПТ. Например, «пушные волны» (глобального рынка пушнины),двигающиеся на восток по ареалу бореальных лесов, оказали воздействие на создание сети первых охотничьих заповедников — Баргузинского, Саянского, Камчатского и др. [19]. «Зерновые волны», возникшие как ответ на глобальный спрос на зерно, поставили на грань исчезновения степной биом и стали мотивом организации сети степных заповедников. Глобальный рынок древесины сказался на международных превентивных инициативах по образованию заповедных территорий на севере европейской части России, в Сибири и на Дальнем Востоке. А современная конъюнктура развития глобального рынка экосистемных услуг с посткиотскими инициативами по включению в них не только бореальных лесов, но и других углеродоемких экосистем (болот с торфами, степей с черноземами и тундр с законсервированной в мерзлоте органикой) выступает стимулом для создания в границах Евразийского природного массива сети

крупных ООПТ, выполняющих большой объем биосферных функций — климатообразующих, водорегулирующих, стока углерода и т. д.

Понятно, что территории Русской равнины, а затем и Сибири, и Дальнего Востока по мере развития российской государственности вовлекались в международный сырьевой рынок с разной интенсивностью, зависящей не только от мирового (европейского или азиатского) спроса на те или иные природные ресурсы, но и от политической конъюнктуры (как, впрочем, и сейчас). От ретроспективного анализа тянется нить к формированию методологической базы для познания закономерностей возникновения, развития, устойчивого существования и «падения» глобального сырьевого рынка с его характерными временами и характерным пространством охвата — производителя, потребителя и участника межрегионального и трансграничного трансфера сырья. В данном случае специфика (особенности, закономерности, правила и прочие атрибуты географической методологии) определяется не только природой самого сырья, а также товаров и услуг, но и пространственной и временной «инерцией» — влиянием сырьевого рынка на территориальное развитие страны, на формирование географической сети ее ООПТ. Яркие примеры «сырьевой мотивации» освоения просторов Российской Арктики и Сибири, последующего истощения биоресурсной базы и целями создания там ООПТ демонстрируют многие авторы, в том числе географы. Но до сих пор в географии нет представления о том, как параллельно идет модификация пространства, как мультиплицировались эффекты освоения ресурсов и как все это повлияло на территориальную организацию природоохранной деятельности. Например, на Шпицбергене, где ООПТ занимают более 50 % площади архипелага, сеть заповедных территорий стала формироваться лишь после практически полного направленного уничтожения популяций морских млекопитающих и трансформации прибрежных участков.

По-видимому, есть острая необходимость развития представлений о территориальной охране природы как о полимасштабном и полисистемном процессе, участвующем в преобразовании территориальных структур страны, меняющем экономическую специализацию регионов, темпы и характер их урбанизации, регламентирующем их и в пространстве, и во времени.

Методологически география долго не могла определить место природных охраняемых территорий в системе территориальной организации общества и пространственного развития страны. Нельзя же руководствоваться в понимании территориального развития только производственно-сырьевым принципом. Идеи подойти к территориальной охране природы как к непроизводственной сфере и искать пути органичного включения ее в систему пространственного развития страны наряду с промышленностью, транспортом, сельским хозяйством, населением прослеживались уже в работах А. Лёша и В. Кристаллера [17], а затем и К. Тролля еще в 1920–1950-х гг. [3, 17]. Правда, для СССР с его, с одной стороны, плановым и централизованным хозяйством, а с другой — с бескрайними и малозаселенными просторами, с целыми регионами нетронутой природы идеи самоорганизации хозяйства в пространстве, поиск пространственных закономерностей в размещении хозяйственных объектов, в том числе сырьевых, и объектов непроизводственной сферы, например ООПТ, не поддавались формализации. Но именно Госплан РСФСР в 1979 г. подготовил первый документ стратегического планирования в области территориальной охраны природы нашей страны, определив место организационно-территориальной структуры сети ООПТ («нематериальной») в территориальной организации, что позволяло в дальнейшем рекомендовать географические основы управленческих решений в этой сфере, включать ООПТ федерального, регионального и местного уровней в соответствующие территориальные схемы охраны природы, градостроительные планы и пр.

Согласно действующему Градостроительному кодексу Российской Федерации (<http://base.garant.ru/12138258/>), документом территориального планирования является Схема территориального планирования субъекта федерации. В ее основании отображаются особо охраняемые природные территории федерального, регионального и местного значения, а также планируемые ООПТ и леса высокой природоохранной ценности. В такой конфигурации планируемые для создания заповедники, национальные парки и ООПТ других категорий выступают «прогнозируемыми ограничениями» хозяйственного развития территории, т. е. даже с этих позиций ООПТ оказываются равноправными элементами территориальной организации хозяйства наряду с урбанизированными территориями, объектами промышленности, транспорта, сельского и лесного хозяйств.

ГУМАНИТАРНАЯ И РЕСУРСНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Применительно к пространственному развитию страны сопоставление гуманитарных и ресурсных целей территориальной охраны природы в научной литературе практически не рассматривается. Хотя

еще к середине XIX в. в развитых странах гуманитарные идеи (сохранение природы для потомков) уже доминировали над планами защиты и восстановления биологических ресурсов посредством заповедования территорий и акваторий. В работе одного из основоположников научных основ охраны природы акад. И. П. Бородин в 1915 г. специально отмечено, что, интегрируясь в международную природоохранную систему, Россия, занимающая шестую часть земного шара, вполне сознает свои обязанности по отношению к природе и человечеству [20]. Спустя столетие мы снова подчеркиваем ту же идею сохранения Евразийского природного массива, выделяя его глобальную роль «экологического донора планеты» [21–24]. Здесь проявляется и мотивация будущих действий по развитию территориальной охраны природы в России, например создания новых ООПТ для сохранения углеродоемких экосистем при вовлечении России в глобальные рынки экосистемных услуг.

Заметим, что в начале становления заповедного дела в России в нем обозначились два тренда. Первый — ответ на трансформации территориальных структур России как экспортера пушного сырья в период последней «волны», захлестнувшей Сибирь и Дальний Восток после полного истощения пушных ресурсов в европейской части России и на Урале [15]. Первые, создаваемые еще до Октябрьской революции, заповедники (Баргузинский, Саянский, Кроноцкий) были охотничьими [19], решающими проблемы воспроизводства промысловой фауны, — это как раз свидетельствует о том, что это направление заповедного дела лоббировалось на первых этапах сильнее. Второй тренд лучше всего прослеживался в призывах ученых создавать сеть степных заповедников, первым из которых в России еще в 1898 г. стал заповедник Аскания-Нова на землях имения Фальц-Фейна (ныне Украина). Сохранение редких, уникальных, по сути бесценных памятников природы и объектов природного наследия, в том числе ставших таковыми из-за нарастающей хозяйственной деятельности, — идея исключительно гуманитарная, до сих пор трудно воспринимаемая населением развивающихся (бедных) стран.

Вслед за В. Б. Степанищким [18], но с учетом пространственных векторов и трендов мотивации проследим за практикой подготовки и реализации перспективных (стратегических) планов и схем развития государственной системы ООПТ за ее 100-летний период. Понятно, что тренды и векторы развития «природной» части территориальной организации страны и ее хозяйства в разные периоды существенно различались и по мотивации, и по географической локализации. Они же в значительной степени стали причиной формирования особенностей территориальной организации заповедной системы России: асимметрии в сети ООПТ европейской и азиатской частей России; дифференциации в средних размерах и кластерности заповедных участков (размещения крупных по площади ООПТ в Арктике, Сибири, на Дальнем Востоке и в горах); лидерства ООПТ регионального уровня по числу и суммарным площадям [25]; образования групп субъектов с высокой долей ООПТ в площади региона (Якутия, Дальний Восток, республики Северного Кавказа и др.); слабой готовности государственной системы ООПТ к развитию на ее основе познавательного туризма (несмотря на то что еще в 1920-х гг. познавательный туризм рассматривался в качестве одного из предназначений заповедников, большинство заповедных территорий не имеют соответствующей инфраструктуры).

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ВЕКТОРЫ ЭТАПОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

В дореволюционный период в документах, статьях и докладах ученых и природоохранных деятелей можно найти большое количество предложений по заповедованию отдельных территорий, которые касались преимущественно староосвоенных степных регионов. Еще в 1910 г. акад. И. П. Бородин, размышляя о том, кому передать заботу об образовании заповедных участков и памятников природы, писал: «В этом отношении Императорское Русское географическое общество имеет несомненные преимущества. Объединяя в своей среде представителей весьма различных специальностей, оно в то же время широко разветвлено по России... Ввиду этого можно было бы предложить образовать при Императорском Русском географическом обществе в Санкт-Петербурге “центральный природоохранительный комитет” с участием в нем представителей различных заинтересованных ведомств, в особенности Главного Управления Землеустройства и Земледелия, Главного Управления Уделов, Императорской Академии наук, Императорского Вольного Экономического Общества, Императорского Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей, Лесного Общества и др.» [20, с. 9–10].

Основной целью Комиссии стало «возбуждать интерес в широких слоях населения и у Правительства к вопросам об охране памятников природы России и осуществлять на деле сохранение в неприкосновенности отдельных участков или целых местностей, а также и отдельных видов растений и животных, важных в научном отношении» [20, с. 9–10]. Об эффективности работы этого органа свидетельствует то, что на основе его предложений Главное управление землеустройства и

земледелия Департамента земледелия России начиная с 1912 г. организовало десятки экспедиций по созданию заповедников в дельту Волги, на Северный Урал, в Печорскую тайгу, на Камчатку, в Прибайкалье, Саяны. Важным итогом пяти лет деятельности комиссии стал первый в нашей стране проект развития сети заповедников России «О типичных местностях, в которых необходимо организовать заповедники по образцу американских национальных парков» (доложен В. П. Семёновым-Тян-Шанским и Г. А. Кожевниковым в октябре 1917 г.), основная часть которого реализована к середине прошлого века [26].

В статье И. П. Бородина 1914 г. выделены следующие территории, заслуживающие внимания для создания государственных охраняемых земель (степных и лесных) [20]: Аскания-Нова и Елизаветфельд (Таврическая губерния), участок степи в имении Карамзина (Самарская губерния), земли Донского политехнического института (Ростовская губерния), Старобельский и Хреновский коннозаводские участки, Стрелецкая степь (Курский уезд), участок у г. Прасолова (Ставропольской губернии), три фрагмента степной целины — «гирнеца» и «кодр» на Киприановской лесной даче и г. Когула (Бессарабская губерния), можжевелевая и грабовая роши в низовьях р. Иловли, Шипов лес, Галичья гора (Орловская губерния), некошенные луга р. Печоры, девственные леса вблизи Адлера на черноморском побережье и др. Если внимательно ознакомиться с материалами публикаций и выступлений В. И. Таляева, И. П. Бородина, Г. А. Кожевникова и др. [20], то можно получить исчерпывающую информацию о более чем сотне таких территорий, преимущественно в европейской части России (а также губерний в границах нынешней Украины, Польши, Грузии). Об охотничьих заповедниках, как мы видим, речь не идет, так как они относились к другому ведомству, и с принятием в 1916 г. закона Российской Империи «Об охотничьих заповедниках» этот вектор стал развиваться приоритетно: на Камчатке, юге Дальнего Востока, Байкале и в Южной Сибири работали экспедиции по созданию охотничьих заповедников [19], в первую очередь для сохранения и воспроизводства соболя.

Уже на первых этапах реализации плана В. П. Семёнова-Тян-Шанского летом 1922 г. Г. А. Кожевников обратился в правительство с докладной запиской «О нуждах охраны природы РСФСР»: «Перед Российской республикой лежит задача мировой важности — сохранить целый ряд животных форм, которых нет нигде за пределами нашего отечества и за судьбой которых с интересом следит ученый мир всего света. При суждении об этом деле полезно иметь перед собой пример Западной Европы и, в особенности, Соединенных Штатов Америки, которые в интересах государственной пользы не жалеют средств на охрану природы» [20, с. 23]. В записке идеи географической сети заповедных территорий и мысль об интеграции ее в систему планового хозяйствования («государственной пользы») получили полное раскрытие. На фоне разрухи, голода, гражданской войны и дефицита средств на развитие страны «гуманитарные идеи» заповедного дела звучали несколько абстрактно. Тем не менее Главнаука Наркомпроса РСФСР стала заниматься заповедниками: появились первые декреты молодого советского государства — о правилах установления «заповедных мест» (май, 1919), создании Астраханского и Ильменского заповедников (1919), о Байкальских заповедниках (1921), «Об охране памятников природы...» (1921), «О Крымском государственном заповеднике...» (1923). Специальным постановлением Президиума ВЦИК дано определение заповедников как «участков земли, навсегда подлежащих полной охране и изъемлемых из какого бы то ни было хозяйственного использования» [20, с. 23]. Н. И. Кузнецов, В. П. Семёнов-Тян-Шанский и С. А. Бутурлин от лица подотдела охраны природы Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР представили новый развернутый план заповедной сети СССР [18]; была организована Комиссия (в дальнейшем — Комитет) по заповедникам (1932).

Можно подтвердить, что и первые два десятилетия после подготовки плана В. П. Семёнова-Тян-Шанского гуманитарные идеи заповедного дела доминировали в государственной практике в силу принадлежности системы заповедников Главнауке Наркомпроса РСФСР и сохранения ее тесной связи с академической наукой. Однако уже к середине 1930-х гг., во второй пятилетке, именно заповедники стали платформой для плановых мероприятий по обогащению фауны, а следовательно, и увеличению производительности угодий, которое достигалось, помимо акклиматизации и реакклиматизации, и путем осуществления других, так называемых биотехнических мероприятий. В заповедниках стали широко применяться мероприятия по повышению кормности угодий, улучшению гнездовых и защитных условий для животных, сокращению вредного влияния хищников (отстрел волков, ворон, бакланов), выбраковке особей, неполноценных по каким-либо признакам. С ресурсными, по сути, целями создавались в эти годы Кондо-Сосьвинский (1929), Кроноцкий (1934), Саянский (1934), отчасти — «Бузулукский бор» (1932) и Валдайский (1939) заповедники. М. П. Колосов и Н. П. Лавров писали: «Вместе с тем заповедники СССР являются резерватами для расселения 18 [видов] диких животных

в другие районы страны, что достигается двумя путями. Во-первых, размножившиеся в заповеднике животные сами постепенно расселяются, осваивая прилегающие угодья. Во-вторых, заповедники используются для получения племенных животных для расселения их в пределах всей страны» [27, с. 18–19]. Объектами интродукции в заповедники в 1930–1950-е гг. были ондатра, енотовидная собака, пятнистый олень, американская норка, канадский бобр и др., а активно начатые тогда биотехнические мероприятия (борьба с волком, сбор яиц на птичьих базарах и колониях, подкормка копытных и другие формы вмешательства в развитие заповедных территорий) сохранялись долгие годы. Например, начатое с момента организации Кавказского заповедника уничтожение в нем волка приобрело массовый характер до 1960-х гг. Причем помимо отстрела для этого широко использовались приманки, отравленные стрихнином, а с 1957 г. — фторацетатом бария [27].

Государственных (или ведомственных) стратегических планов развития заповедной системы СССР не было до середины 1950-х гг. Шла планомерная реализация планов 1917 и 1923 гг., учитывались и предложения, которые в них не вошли: например, были созданы заповедники на Мурманском побережье («Семь островов»), Центрально-Лесной, Московский и др. Сформированная заповедная система страны к 1951 г. (году ее «сталинского разгрома», когда число заповедников было сокращено в 2,4 раза, а площадь — почти в 10 раз) включала 128 заповедников на 12,5 млн га — 0,6 % площади страны.

Период после 1951 г., когда АН СССР и научная общественность создали Комиссию по заповедникам (1952), а на ее основе — Комиссию по охране природы (1955), которой в итоге был подготовлен третий «Перспективный план географической сети заповедников СССР» [28], можно смело рассматривать с «гуманитарных» позиций. Во-первых, ресурсная составляющая в документе отошла на второй и даже третий планы по сравнению с задачами сохранения ландшафтов, редких видов, научного значения и огромной общекультурной ценности [28]. Во-вторых, гуманистическая по определению идея восстановления после закрытия десятков заповедников вышла на первые позиции. В-третьих, впервые проведено сопоставление заповедной системы СССР и других стран и поставлен вопрос о достижении определенных показателей (количества ООПТ и их доли в площади страны). В-четвертых, АН СССР была в те годы наделена функцией исполнительной власти и брала на себя координацию работ по развитию заповедников. Поэтому, несмотря на рекомендательный характер работы Комиссии по охране природы АН СССР, она учитывала проект географической сети заповедников, составленный для РСФСР Главным управлением охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР, а не наоборот. Первый и второй планы развития географической сети заповедников уже не были строгими ориентирами, а просторный вектор впервые был направлен на восток, для чего в качестве разработчиков привлекались филиалы АН СССР — Коми, Западносибирский, Восточносибирский (Иркутский), Якутский, Дальневосточный. Из предложений по восстановлению и созданию новых заповедников почти половина была ориентирована на Урал и Зауралье [28].

Следующий этап территориальной охраны природы, определяющий и современный ее тренд, стартовал с принятием в 1979 г. Госпланом РСФСР «Схемы рационального размещения государственных заповедников... в РСФСР на период до 1990 года» — первого документа стратегического планирования развития заповедной сети России, в котором «заботы» об ООПТ стали предметом межведомственной координации и элементом пространственного развития страны, включались в территориальные схемы охраны природы и другие документы стратегического планирования [30]. Всего с этого момента для РСФСР в составе СССР, а затем в Российской Федерации было принято более 10 государственных стратегических решений, имеющих прямое отношение к территориальной охране природы и ее интеграции в систему пространственного развития страны (см. таблицу).

До старта последнего этапа стратегического планирования географической сети ООПТ в России с 1992 по 2010 г. было создано 30 новых заповедников, 28 национальных парков (две трети ныне существующих), а также 10 государственных природных заказников федерального значения. Самое трудное в экономическом плане время «новой России» оказалось, как и первые десятилетия СССР, самым плодотворным для заповедного дела: за 17 лет общая площадь ООПТ федерального значения была увеличена почти в 2 раза.

К началу реализации последнего документа 2011 г., воплощенного в «Схему территориального планирования Российской Федерации в области развития и размещения особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года» (<http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=20902>), основу системы ООПТ составляли 102 государственных природных заповедника, 42 национальных парка и 70 государственных природных заказников федерального значения, которые вместе занимают 2,7 % общей площади территории Российской Федерации.

**Стратегическое планирование в территориальной охране природы России:
ориентиры, масштабы и векторы реализации (по [18, 26, 30])**

Государственные документы стратегического планирования территориальной охраны природы (год утверждения)	Ориентиры развития сети ООПТ и вклада в территориальную организацию страны	Примечание (масштабы и векторы реализации стратегических планов)
Схема рационального размещения государственных заповедников ... в РСФСР на период до 1990 г. (1979)	Создание новых 35 заповедников, в том числе 23 в Сибири и на Дальнем Востоке	Реализована на 54 %, в том числе для регионов Сибири и Дальнего Востока — на 70–100 %
Перспективная система организации природных заповедников и национальных парков СССР на период до 2000 г. (1986)	Создание новых 71 ООПТ (51 заповедник и 20 национальных парков), в том числе 44 в Сибири и на Дальнем Востоке	Реализована на 49 %, в том числе для регионов европейской части России на 72 %, а Сибири и Дальнего Востока — на 20–64 %
Программа создания общесоюзной системы особо охраняемых природных территорий на период до 2000 г. (в том числе перечни государственных заповедников и национальных парков, предлагаемые для организации в РСФСР на период до 2000 г.) (1990)	Создание в течение 10 лет 124 новых ООПТ: 84 заповедников и 40 национальных парков, преимущественно в азиатской части России; доля ООПТ в площади страны к 1995 г. — до 2 %, к 2000 г. — до 3 %	Реализована на 27 %: создано 19 заповедников, 12 национальных парков, большинство в Сибири и на Дальнем Востоке
Указ Президента Российской Федерации «Об особо охраняемых природных территориях Российской Федерации (1992), Перечень государственных природных заповедников и национальных парков, рекомендуемых для организации на территории Российской Федерации в 1994–2005 годах» (1994)	Проведена ревизия планов СССР; применительно к только образовавшейся Российской Федерации — создание 72 заповедников и 42 национальных парков, общая площадь 223 ООПТ — 54,5 млн га (3,2 % от площади страны) к 2005 г.	К 2001 г. утратил силу. Реализован на 23 %: создано 17 заповедников и 8 национальных парков, большая часть (15) — на европейской части России
Указ Президента Российской Федерации «О федеральной целевой программе государственной поддержки государственных природных заповедников и национальных парков на период до 2000 года» (1995)	Корректировка старых планов: к 2000 г. 74 новых ООПТ (36 заповедников, 28 национальных парков, 10 федеральных заказников)	Отказ от долгосрочного планирования (до 2005 г.) и возврат к ориентирам 2000 г., намеченным в 1994 г. Из 114 ООПТ создано всего 23, в том числе 12 заповедников, 7 национальных парков и 5 заказников; большинство в Сибири и на Дальнем Востоке
Утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации «Перечень государственных природных заповедников и национальных парков» (2001); Приказ Минприроды России «Об утверждении основных направлений развития системы государственных природных заказников и национальных парков в Российской Федерации на период до 2015 года» (2003)	Создание новых ООПТ: в период 2003–2006 гг. — 4 заповедника, 8 национальных парков, 2004–2010 гг. — 5 заповедников, 4 национальных парка, к 2010 г. — новая схема развития ООПТ до 2015 г.	В указанные сроки созданы 3 заповедника и 8 национальных парков (в том числе в Арктике) и 5 — на Дальнем Востоке
Распоряжение Правительства Российской Федерации «Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий России до 2020 года» (2011)	Создание новых ООПТ: 11 заповедников и 20 национальных парков	До 2016 г. включительно создан 1 заповедник; в систему ООПТ Российской Федерации влились 6 заповедников Республики Крым; создано 6 национальных парков; количество федеральных заказников сокращено

По данным Минприроды России (<http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=142986>), в стране на 2016 г. функционирует более 13 тыс. ООПТ различных категорий. Их общая площадь составляет 207 млн га — около 11,5 % территории. Как реальное воплощение идей интеграции заповедного дела в пространственное развитие страны в 56 регионах России функционируют региональные дирекции, которые управляют сетями охраняемых природных территорий. В основе этих географических сетей 109 государственных природных заповедников общей площадью 34,5 млн га, 48 национальных парков (14 млн га), 64 федеральных заказника (12 млн га), 64 природных парка (14 млн га), 2300 региональных заказников (47 млн га), 8360 памятников природы, включая 17 федеральных (3 млн га), 2360 иных охраняемых территорий регионального и местного значения (82 млн га).

Современные феномены территориальной охраны природы России, позволяющие выводить особо охраняемые природные территории в категорию ведущих элементов территориальной организации,

связаны с быстрым ростом доли ООПТ в площади регионов. Здесь лидерами выступают: г. Севастополь (30,4 %), Республика Саха (Якутия) (29,8), Кабардино-Балкарская Республика (26,6), Республика Алтай (26,3), Карачаево-Черкесская Республика (26), Республика Ингушетия (23,9), Приморский край (21), Чеченская Республика (20,3), Республика Северная Осетия–Алания (19,8) и Астраханская область (17,7 %). Все эти субъекты имеют показатель развития системы ООПТ выше рекомендуемого международной Конвенцией о биологическом разнообразии (17 %).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционно сложилось, что в староосвоенных регионах европейской части России («запад») и в районах нового освоения в Сибири [19] и на Дальнем Востоке («восток») сложились разные системы охраняемых природных территорий, решающие, по сути, различные задачи охраны природы. Интеграция ООПТ в социально-экономическое будущее страны, в ее территориальную организацию зависит от многих причин: экономической (в том числе сырьевой) конъюнктуры внутреннего и глобального рынков, первоочередности достижения природоохранных и других гуманитарных целей, формирования разных векторов и ориентиров (индикаторов) интеграции российских ООПТ в международную экологическую сеть ООПТ — Паназиатскую или Панъевропейскую. Например, согласно целям Конвенции ООН о биологическом разнообразии, доля ООПТ в странах, ее подписавших, составит к 2020 г. не менее 17 %. Как устранить данную проблему, исходя из сложившихся традиций территориальной охраны природы и позитивного опыта соседних стран, должна думать география, которая имеет весь необходимый для этого методологический и методический арсенал. А. Н. Антипов в статье «Новое качество географических знаний» писал: «Исходной составляющей территориальной организации является природный комплекс...» [29, с. 9]. Это нельзя забывать, решая задачи территориальной охраны природы и ее интеграции в устойчивое развитие страны и ее регионов.

Работа выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований — Русского географического общества (17–05–41204) и Госзадания 0017.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тишков А. А. География и Великая победа: взгляд спустя 70 лет // География и природ. ресурсы. — 2015. — № 2. — С. 5–12.
2. Тишков А. А., Осипов В. И. Геоэкология // Большая Российская энциклопедия. — 2006. — Т. 7. — С. 257.
3. Троль К. Ландшафтная экология (геоэкология) и биоценология. Терминологическое исследование // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1972. — № 3. — С. 118–124.
4. Куражковский Ю. Н. Заповедное дело в СССР. — Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. — 157 с.
5. Первый национальный доклад «Сохранение биоразнообразия в России». — М.: Госкомэкология России, проект ГЭФ «Сохранение биоразнообразия», 1997. — 170 с.
6. Реймерс Н. Ф. Природопользование: Словарь-справочник. — М.: Мысль, 1990. — 637 с.
7. Дёжкин В. В. Территориальная охрана природы в мире и в России // Россия в окружающем мире. — М.: Модус-К-Этерна, 2006. — С. 59–81.
8. Калихман Т. П. Территориальная охрана природы в Байкальском регионе. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2011. — 238 с.
9. Савенкова Т. П. Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2001. — 186 с.
10. Тишков А. А. Формирование регионального природоохранного каркаса // Проблемы региональной экологии. — 1996. — № 1. — С. 138–140.
11. Тишков А. А. Организация территориальной охраны биоты и экосистем степной зоны России // Вопросы степеведения. — 2005. — № 6. — С. 47–58.
12. Бабуринов В. Л. Эволюция социально-экономического пространства России // География социально-экономического развития. — М.: Городец, 2004. — С. 496–514.
13. Бакланов П. Я. Динамика природно-ресурсного потенциала территории и методы ее оценки // География и природ. ресурсы. — 2000. — № 3. — С. 10–16.
14. Лапко Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: Развитие, теоретическое и практическое значение // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1983. — № 5. — С. 16–28.
15. Савченко А. Б. Территориальное развитие России как экспортера на глобальных сырьевых рынках: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. — М., 2016. — 46 с.

16. **Хорев Б. С.** Понятие территориальной организации общества и управления как основные понятия социально-экономической географии // Вопросы географии. — 1980. — Сб. 115. — С. 75–92.
17. **Шупер В. А.** «Экономический ландшафт» Августа Лёша в условиях постиндустриальной трансформации общества (к столетию со дня рождения) // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2006. — № 4. — С. 7–15.
18. **Степаницкий В. Б.** Перспективные планы развития системы ФООПТ России: взгляд в историю // Особо охраняемые природные территории России. Современное состояние и перспективы развития. — М.: ВВФ России, 2009. — С. 185–196.
19. **Калихман Т. П.** Сибирский полигон заповедного дела в России // Вопросы географии. — 2017. — Сб. 143. — С. 63–78.
20. **Чибилёв А. А., Тишков А. А.** Столетие Постоянной природоохранительной комиссии ИРГО. — М.: Изд-во РГО, 2012. — 94 с.
21. **Аверченков А. А., Мартынов А. С., Тишков А. А.** О формировании международного рынка экосистемных услуг // Устойчивое развитие регионов и социально-экономическая значимость охраняемых природных территорий. — М.: Всемирный фонд дикой природы, 2000. — С. 25–27.
22. **Мартынов А. С., Тишков А. С.** Россия на международном рынке экосистемных услуг // Биологические ресурсы и устойчивое развитие. — Пушкино: Изд-во Ин-та общих проблем биологии РАН, 2001. — С. 60–63.
23. **Национальная стратегия сохранения биоразнообразия.** — М.: Изд-во РАН, МПР России, 2001. — 76 с.
24. **Тишков А. А.** Теория и практика сохранения биоразнообразия (к методологии охраны живой природы в России) // Бюл. «Использование и охрана природных ресурсов в России». — 2006. — № 1. — С. 78–96.
25. **Соболев Н. А.** Состояние региональных систем охраняемых природных территорий // Бюл. «Заповедники и национальные парки». — 2004. — № 45. — С. 15–19.
26. **Тишков А. А.** Географические основы заповедного дела России: сто лет методологии территориальной охраны природы // Вопросы географии. — 2017. — Сб. 143. — С. 15–40.
27. **Колосов А. М., Лавров М. П.** Обогащение промысловой фауны СССР. — М.: Лесн. пром-сть, 1968. — 261 с.
28. **Лавренко Е. М., Гептнер В. Г., Кириков С. В., Формозов А. Н.** Перспективный план географической сети заповедников СССР (проект) // Охрана природы и заповедное дело в СССР. — 1958. — Бюл. № 3. — С. 3–92.
29. **Антипов А. Н.** Новое качество географических знаний // География и природ. ресурсы. — 2009. — № 3. — С. 5–12.
30. **Штильмарк Ф. Р.** Заповедное дело России: теория, практика, история: Избр. труды. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. — 511 с.

Поступила в редакцию 27 февраля 2017 г.